

Сюэ Бао долго любовался рисунками и лишь затем поднял голову. Улыбнувшись преподнёсшему их Ван Сянчжэню, он произнёс:

— Хоть это и выражение уважения с твоей стороны, как старший я не могу принять такой подарок просто так. Сколько серебра ты потратил на эти две картины? Я обязательно возмещу тебе расходы, даже не отказывайся!

Молодой господин Ван поднялся, поклонился и с улыбкой ответил:

— Младший знает, что граф честен и строг и не станет принимать чужие благодеяния, однако я не потратил на эту картину ни медяка. Признаться честно, тот художник абсолютно равнодушен к славе и богатству: он не ищет известности с помощью своего мастерства и уж тем более не зарабатывает им. Если он изредка и пишет картины, то дарит их даром. Как же я могу наживаться на графе, продавая то, что досталось мне бесплатно?

Граф Аньшунь погладил бороду и, нахмурившись, спросил:

— Кто же эта красавица Цуй? Судя по манере письма, это точно не Жуань Шэн, оставивший надпись. Можно ли пригласить её в Юнпин, чтобы я мог с ней увидеться?

Сказав это, он подумал, что красавице Цуй, как женщине, будет неловко преодолевать тысячи ли и отправляться в военный лагерь, поэтому поспешно добавил:

— В моём возрасте я вовсе не из тех, кто прельщается женской красотой. Мне лишь жаль, что такое выдающееся мастерство сгинет в глуши, и я просто хочу прославить её.

Ван Сянчжэнь и сам раньше думал прославить Цуй Се в столице, однако тот не любил привлекать к себе внимание, да к тому же за ним закрепилось такое игривое прозвище, что могло помешать сдаче экзаменов. Теперь Ван Сянчжэню было неловко признавать правду, и он мог лишь смутно ответить:

— Он всё же не любит показывать прочим глаза. Даже имя «красавица Цуй» — это всего лишь прозвище, которым его шутя окрестили покупатели бумаги. На самом деле сам он не то чтобы... не придаёт значения внешности и славе. И характер у него упрямый, так что вряд ли он согласится приехать с визитом. Подчинённый приносит за него извинения графу.

Граф Аньшунь слегка расстроился, однако он любил живопись, а не самого художника, так что отсутствие встречи его не слишком удручило.

Он не стал гадать, кем красавица Цуй приходится Ван Сянчжэню — наложницей или возлюбленной, — а лишь спросил:

— Раз уж вы с ней заодно, скажи, чего ты хочешь. Если это в моих силах, я скупиться не стану.

Молодой господин Ван только и ждал этих слов. Он поднялся, сложил руки в приветствии и произнёс громким, словно колокол, голосом:

— Подчинённый не просит ничего иного, кроме возможности отправиться на передовую и послужить отечеству!

Лучше всего, если бы его отправили в Датун, чтобы вступить в бой с татарским Маленьким принцем; или хотя бы в Ляодун, где он, подобно Гунсунь Цзаню во главе конницы на белых конях, навевал бы страх на граничные рубежи...

Граф Аньшунь всегда считал его сообразительным и полагал, что тот нарочно разыскал рисунки, дабы выслужиться, и теперь попросит чин или деньги. Однако он никак не ожидал, что перед ним храбрец, добровольно рвущийся на границу разить врагов. В душе графа проснулось искреннее уважение.

Недавно он видел портрет Ван Сянчжэня в образе Сюй Чу: крепкие, плотные мускулы, сильные руки — такой рельеф явно достигался лишь упорными тренировками в стрельбе из лука и верховой езде.

Жаль, если такой исполненный решимости воин сгинет в обычных военных гарнизонах и в свои лучшие двадцать с лишним лет так и не сойдётся в бою с татарами. Почему бы не продвинуть его по службе, тем более что это не составит для него большого труда?

Сюэ Бао посмотрел на Ван Сянчжэня и спросил:

— Ты и впрямь готов отправиться на границу и отдать силы служению императору Хунчжи? Тамошние татарские варвары — вовсе не те разрозненные разбойники и шайки, с которыми вы сталкивались во внутренних землях. Людям Маленького принца не занимать коварства и свирепости, и каждый их набег уносит тысячи и десятки тысяч человеческих жизней. Ты не боишься смерти?

Ван Сянчжэнь на мгновение прикрыл глаза, но выражение его лица стало ещё более непреклонным:

— Именно потому, что татарский хан убивает и грабит бесчисленных подданных Великой Мин, подчинённый и рвётся на рубежи дать отпор врагу. Каждая уничтоженная там вражеская голова — это спасение многих жителей Великой Мин. Я хочу лишь из всех сил разить врага, и если придётся сгинуть — у меня не будет сожалений!

Разве он с детства усердно упражнялся в стрельбе из лука и верховой езде лишь для того, чтобы коротать дни в должности сотника и дожидаться унаследования отцовского поста командующего? Даже если ему суждено унаследовать чин отца, нужны настоящие заслуги! Если останется лишь избалованным барчуком, его не станут уважать не то что при дворе, но и собственные боевые товарищи и подчинённые!

Граф Сюэ хлопнул в ладоши и расхохотался:

— Хорошо! Смело! Если бы все, кто преподносил мне подарки в эти годы, просили лишь возможности сражаться за родину, разве стоило бы тревожиться о бедах на границах Великой Мин и о возвращении Хэтао! Почему бы старику не исполнить твоё желание?

Однако переводом войск заправляет Министерство обороны, а Сюэ Бао — лишь военачальник, временно расквартированный в гарнизоне Юнпина. Он не мог прямо переправить Ван Сянчжэня в Датун, поэтому придумал обходной путь:

— Пока оставайся со мной в гарнизоне Юнпина, прочувствуй настоящую битву, заслужи пару военных наград. А затем я переведу тебя в авангардный полк, находящийся под моим прямым началом, и из столицы устроить дальнейшие перемещения будет куда проще.

Хотя Ван Сянчжэнь и выглядел рослым и храбрым молодцом, следовало собственными глазами увидеть, каков он на поле боя. Если он просто вымахал верзилой, а в бою струсит, его останется только отослать обратно в Правый караул Синтунь. А если окажется настоящим храбрецом, можно сразу перевести его в личную гвардию наследного принца. Это не только

откроет перед ним путь к карьерным высотам, но и облегчит любые будущие переводы между столичными гарнизонами.

Для Сюэ Бао, командовавшего гарнизоном Юнпина, перевод рядового сотника в личные адъютанты требовал всего лишь короткого письма. Под рукой у него как раз лежали триста наборов бумаги «Знаменитые военачальники Троецарствия». Он взял набор с Гуань Юем, набросал несколько строк поверх его тёмно-зелёного повседневного одеяния, которое не мешало письму, сложил изображение с одеждой, вставил в паз и велел личному конвоиру отнести послание в Канцелярию главнокомандующего армией тыла.

Главнокомандующий армией тыла Чэнь Ин напрямую ведал Правым караулом Синтунь, и для любого перевода людей из этого военного гарнизона требовалось его разрешение.

Чэнь Ин развернул письмо и, видя размашистые, крупные иероглифы, заполнившие почти весь лист в несколько строчек, тихо усмехнулся:

— Похоже, граф Аньшунь наконец разжился этой бумагой и сгорает от нетерпения похвастаться передо мной. В прошлый раз я пригласил его полюбоваться «Четырьмя красавицами», но подарить отказался, вот старик и помнил мою «обиду» до сегодняшнего дня.

Едва бумага «Троецарствие» появилась в Тунчжоу, он тут же купил несколько шкатулок. Когда Чэнь Ин приобретал её, граф Аньшунь, вероятно, даже не слышал о её существовании.

Пока слуги по его приказу готовили бумаги для прошения о переводе, Чэнь Ин распорядился:

— Уложите один набор бумаги с военачальниками и один с чиновниками и приложите к моему ответному письму старому графу. Их гарнизон Юнпин — глушь, купить такую бумагу там непросто, а нам в столице делать закупки куда легче, нужно проявить о нём заботу.

Старший слуга принёс шкатулку с бумагой для показа и спросил:

— На днях красавица Цуй выпустила бумагу красавиц из Троецарствия, невероятно изящную и утончённую. Управляющий передним двором съездил в Тунчжоу и купил несколько комплектов. Не желает ли господин добавить пару листов в подарок?

Чэнь Ин рассмеялся:

— Не нужно, не нужно. Зачем им в местах сражений бумага с красавицами? Отдай один комплект в женский покой, вечером мы с супругой вместе полюбуемся. Кстати, разборы «Троецарствия» от Шести гениев выходили новые? Вели слугам следить внимательнее, если появится что-то новое — сразу несите мне. Комментарии Тан Нина мне невероятно по душе: остроумные, свежие, весьма оригинальные. Интересно, когда он прибудет в столицу для сдачи экзаменов? Очень хотелось бы сойтись с этим удивительным человеком.

Но не один он так думал. Когда шэньюани из Юнпинской управы прибывали в столицу для участия в сянши, едва ли не каждого расспрашивали о происхождении, и всех, у кого имелась хоть какая-то связь с Цяньанью, засыпали расспросами о тех Шести гениях.

Когда Го Юн и ещё девять соискателей из Цяньани прибыли в столицу, их и вовсе целыми днями одолевали в постоялом дворе. Сегодня — поэтическое собрание у одних, завтра — прогулка по саду у других. Какая-нибудь герцогская или графская усадьба арендовала театр специально для них, а в другой день их зазывали на кутёж по случаю инициации молодой куртизанки... Стоило им спуститься вниз пообедать, как кругом собиралась толпа зевак,

которые глазели на них и вздыхали: «Подумать только, талантливые учёные, комментировавшие «Троецарствие», предпочитают именно это блюдо!»

Шесть авторов комментариев получали приглашения стопками, так что руки уставали. Они едва осмеливались выходить на улицу и в смятении спросили слугу в постоялом дворе:

— Зачем столько народу наперебой зовёт нас к себе? Мы хоть и написали заметки к «Троецарствию», но в печать пошли самые взвешенные, сдержанные и не нарушающие никаких табу фразы. Что этим людям от нас нужно?

Слуга ухмыльнулся:

— Так господа ведь гении! У учёных мужей от века такой приём: им полагается ходить по поэтическим вечерам да показывать лик перед знатными господами. Учёные из Цзяннаня, что приезжают на столичный экзамен, справляются с этим куда привычнее вашего.

Талантливый ученый Го впервые участвовал в столичном экзамене и спросил спутников:

— Неужто я настолько невежествен? Брат Тан, брат Ван, неужели и вас прежде так же чтили высокопоставленные господа?

Ван Чжичан погладил своё лицо, понимая, что вряд ли с возрастом и бородой у него прибавилось обаяния, и напрямую спросил слугу:

— Неужели всё из-за маленького господина Цуй...

Слуга хлопнул себя по бедру:

— Вы и впрямь знакомы с красавицей Цуй!

«...Да не знакомы мы! Мы знаем только школяра Цуй».

Все они отлично знали происхождение прозвища «красавица Цуй», но как истинные книжники, воспитанные на Четверокнижии, искренне недолюбливали это наименование. Когда их спрашивали о «красавице Цуй», они, разумеется, не могли признаться, что это прозвище Цуй Се, ведь иначе вышло бы, будто они подтверждают за ним эту сомнительную славу.

<http://bllate.org/book/18372/1761302>